

**ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926/27 г. НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ И АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ КОМИ) /
отв. ред. К. Б. Клоков и Дж. П. Зайкер, с предисл. Д. Андерсона.
СПб.: МультиПроджектСистемСервис, 2010. 512 с.**

Приполярная перепись, которая фиксировала кочевое и бродячее население областей Крайнего Севера России, продолжалась с лета 1926 г. по сентябрь 1927 г. (в отдельных местностях — даже по февраль 1928 г.). Информация заносилась в особые формуляры похозяйственных описаний. Материалы Приполярной переписи известны как богатейший источник разноплановых сведений для исследований в разных областях научного знания, в частности в области статистики, истории, этнологии, социологии, и в смежных дисциплинах. Все это ярко отражено в рецензируемой книге, которая была создана в результате многолетней работы большого коллектива специалистов в фондах архивов (Государственного архива Архангельской области, Национального архива Республики Коми, Государственного архива Мурманской области) и плодотворного творческого союза двух редакторов — профессора К. Клокова и профессора Дж. Зайкера — ученых из университетов Санкт-Петербурга и Boise State. Эта книга представляет собой логическое продолжение публикации Д. Андерсона о Туруханской переписной экспедиции 1926–1927 гг. (с. 12, 20). (В настоящее время информация доступна для исследования: www.abdn.ac.uk/polarcensus). В рассматриваемой книге имеются иллюстрации Северной экспедиции «Этно эксперт» в Канинскую тундру в 2007 г., а также обширное приложение в виде таблиц поисковых данных Приполярной переписи (с. 393–501).

Исследование демонстрирует связь между историческим и географическим подходами к изучению Крайнего Севера (с. 12, 237–283), акцентирует внимание читателя на том, что перепись проводилась в короткий период разумного баланса традиций и новаций, который через несколько лет уже сменился бюрократическим патернализмом (с. 15). Кроме того, как справедливо отмечает Д. Андерсон во вступительной статье (с. 13), данная публикация показывает важность изучения коренных народов на уровне отдельных хозяйств небольших групп (с. 339–369). Этот метод дает возможность ответить на ряд вопросов по теории эволюции этнических групп.

Представленная книга состоит из трех частей, каждая из которых может быть рассмотрена как самостоятельное исследование. Они естественно дополняют и обогащают друг друга информационным материалом.

Первая часть посвящена истории рождения идеи и дискуссионным вопросам создания методологии проведения специальной комплексной переписи северных окраин России (с. 21–98). Создателем методологических основ стал уполномоченный ЦСУ на Дальнем Востоке П. Е. Терлецкий (с. 12, 98). Основным препятствием в ходе проведения переписи были огромные пространства до объекта (с. 54). Главные принципы переписи кочевых и полукочевых племен, выдвинутые Терлецким, основаны на использовании естественно-географических районов (например, долины рек) как территорий проведения специальных длительных экспедиций, часто от навигации до навигации (с. 22, 53). Основной переписной единицей был чум. На каждый чум заполнялось 2 карточки: первая содержала демографические вопросы, вторая — хозяйственные. В Архангельской губернии и автономной области Коми всего было переписано 264 чума с населением 1512 человек (с. 24). На этих территориях преимущественно кочевали хозяйства двух этнических общностей — самоедов/ненцев и коми-ижемцев/коми-зырян. При этом самоеды становились в ряде мест «жертвами» разногласий между статистическими органами Архангельской губернии и области Коми в сфере экономических и национально-политических вопросов (с. 41–43). В результате появилась новая идея проведения совместной переписи в Большеземельной тундре. В рецензируемой книге приведена глава из монографии А. И. Бабушкина 1930 г., посвященная этой теме (с. 66–82, 98). Опубликованные материалы говорят о сходстве условий проведения переписи в Архангельской губернии и Коми автономной области, но в то же время указывают на большие различия в ее результатах (с. 85). В Архангельской губернии перепись была оценена, в целом как успешная. А в Коми области официальные итоги переписи были подведены только на 26 % (по оседлому населению итоги здесь вообще не подводились).

Вторая часть книги содержит разные по жанру материалы переписи. Представлены тексты 10 архивных документов двух изучаемых регионов. Они написаны очевидцами (переписчиками и сотрудниками региональных Комитетов Севера) и дают живое представление об организации и проведении переписи (с. 99–215). На страницах этих документов рассматриваются различные проблемы того исторического периода. Дается грубая оценка образа жизни этнических общностей, например самоедов. Подобная ситуация являет собой яркий пример того, что представители иной культуры, фиксируя состояние жизни небольшого общества, совершенно не разбирались в его образе жизни и культуре, ценностных ориентациях. Сложная система духовных представлений сводилась ими к «религиозному дурману». Принудительные организационные меры со стороны государства вступали в противоречие с провозглашаемым принципом строительства новой жизни «по собственному усмотрению» (с. 105). Отношение к советской власти у представителей кочевого населения зависело от степени обеспеченности их жизни. В документах отмечается, к примеру, что самоед «делом общественного значения не интересуется» (с. 135). Напрашивается вывод, что и чиновники не интересовались «делом общественного значения», которое было важным для общества самоедов.

Третья часть книги посвящена осмыслению материалов Приполярной переписи в названных регионах в современном контексте. Различные аспекты хозяйственной деятельности ненцев и коми рассматриваются на основе собственных исследований ученых и анализа результатов переписи. Данная часть написана К. Б. Клоковым (с. 216–283), И. В. Семеновым (с. 284–300), С. Б. Киселевым (с. 301–316), К. В. Истоминым (с. 317–338), Дж. П. Зайкером и Т. Б. Аракчаа (с. 339–369). Хозяйства с точки зрения различий в природопользовании подразделяются на два основных типа — кочевые и оседлые. Кроме того, совершенно обоснованно отдельно рассматриваются материковые и островные хозяйства (с. 218, 219, 236).

Информация о поголовье оленей и доле оленеводческих хозяйств представляется очень важной для оценки этносоциальных процессов (с. 225). Внимание акцентируется на различии принципов оленеводства у самоедов и коми-ижемцев. Хозяйство самоедов было ориентировано только на самообеспечение, а

коми-ижемцы ставили цель наращивать производственный капитал для его последующих инвестиций (с. 227), иногда между этими хозяйствами возникали противоречия (заключение, с. 382, 383). Роль пушного промысла существенно зависела от количества оленей: либо хозяйство было крупным оленеводческим, либо охотничье-промысловым (с. 249). При сравнении русских хозяйств с оседлыми туземными хозяйствами выявляется, на первый взгляд, неожиданный факт: кроме того что у русских было вообще больше домашнего скота (коров, овец и лошадей), у них при этом было больше и оленей (с. 229). К примеру, на маленьком острове Моржовец лишь одна семья самоедов выпасала 163 оленя, при этом ей принадлежало лишь 10 оленей. Однако такой труд был выгоден самоедам вне зависимости от оплаты, так как они брали от стада «все, что им необходимо» (с. 235). География расселения семей всегда определяла методы и приемы выпаса оленей (с. 324, 502).

Очень важен вывод Дж. Зайкера, сделанный на основе экспедиционных исследований межэтнических браков ненцев, энцев и долган в Тухарской тундре. Автор отмечает закономерное разнообразие этнического самосознания и определения этнической идентичности, которое, вероятно, существовало и до проведения Приполярной переписи (с. 367). Также необходимо обратить внимание на вывод К. Клокова в заключительной статье о традиционном природопользовании (с. 370–392): ландшафт — это действительно не просто природный комплекс, это совокупность экономических и социальных связей, которая регулирует природопользование. Однако словосочетание «кормящий ландшафт» не всегда корректно выражает сложное духовное представление о ландшафте как сакральном (иными словами, изученном и освоенном) пространстве (с. 19). К Клоков делает закономерный вывод: низкая продуктивность северных ландшафтов приводит к тому, что возможность ведения комплексного хозяйства становится одновременно необходимостью. В результате северное хозяйство становится «специализированным на комплексности» (с. 372). Это обстоятельство, безусловно, отражается на многоступенчатом (многогранном) восприятии мироздания и системы духовных ценностей. Автор справедливо отмечает семантический аспект этнических различий в оленеводстве (с. 385, 386). Для ненцев олень

обеспечивает кочевой образ жизни. В отличие от ненцев, коми-ижемцы жили ради оленей, а разводили оленей, чтобы жить лучше. Поэтому у кочевых семей ижемцев было значительное число рубленых домов и значимое имущество. Представители советской администрации совершенно не понимали этого восприятия ландшафта, для них была важна интеграция коренного населения в централизованные структуры. К. Клоков проводит параллель со сходной территориальной организацией природопользования на севере Западной Сибири, выявленной А. В. Головнёвым в книге «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров» (Екатеринбург, 1995. 606 с.) о самодийцах и уграх (с. 387, 388). Разделение хозяйств на крупные оленеводческие и малооленные промысловые увеличивало «емкость» использования природных ландшафтов.

Рецензируемая книга содержит важные документы, которые служат официальным свидетельством того, что коренные этнические общности владели промысловыми угодьями

тайги и тундры. Приполярная перепись зафиксировала давность использования земель и биологических ресурсов конкретными группами коренного населения. Это может стать значимой юридической основой для предоставления территорий традиционного природопользования по соответствующим запросам коренных жителей (с. 17, 18). Парадоксальность ситуации, на которую можно обратить внимание на правах этнолога-полевика, состоит в том, что проводившие перепись указывали на пассивность и «неспособность к сопротивлению» коренного населения, а это было не что иное, как проявление ощущения своей свободы и независимости от официальных структур власти. Чаще всего не было нужды считаться с законами государства, а была необходимость жить в единстве с природой. Такие попытки случаются в жизни коренных народов и сейчас.

Рецензируемая книга многократно подтверждает уникальность содержания и объема материалов Приполярной переписи и их значимость для многих поколений исследователей и всех интересующихся данными проблемами.

Л. И. Миссонова